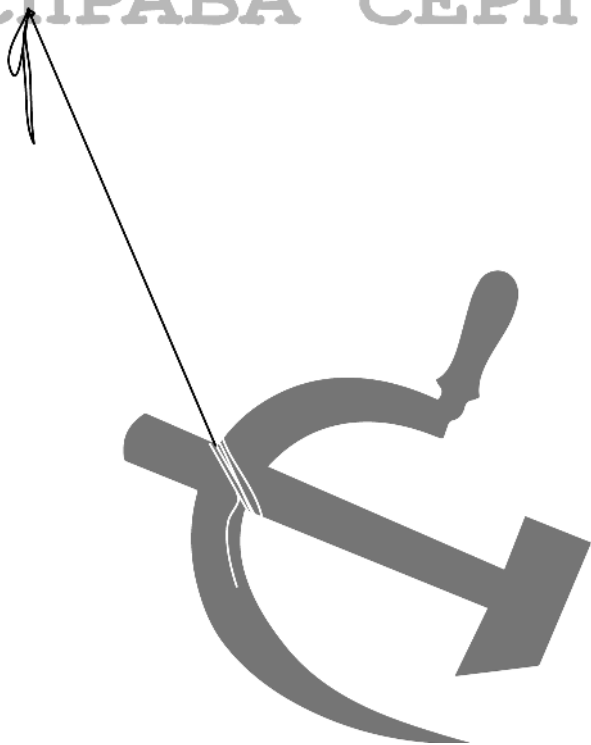

МИХАИЛ ШАХНАЗАРОВ

СЛЕВА МОЛОТ,
СПРАВА СЕРП

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
ШЗ1

Серия «ОДОБРЕНО РУНЕТОМ»

Оформление обложки и иллюстрации: *Юлия Межова*

Шахназаров, Михаил Сергеевич

ШЗ1 Слева молот, справа серп / Михаил Шахназаров.—
Москва: Издательство АСТ, 2019.— 381, [1] с.— (ОДОБ-
РЕНО РУНЕТОМ).

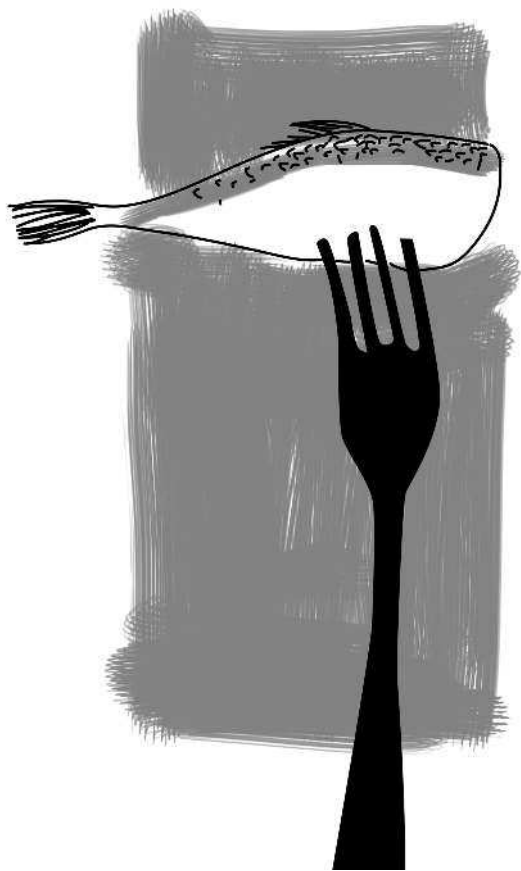
ISBN 978-5-17-110402-3

Ностальгический, полный приключений и безумно смешной роман о нашем общем прошлом.

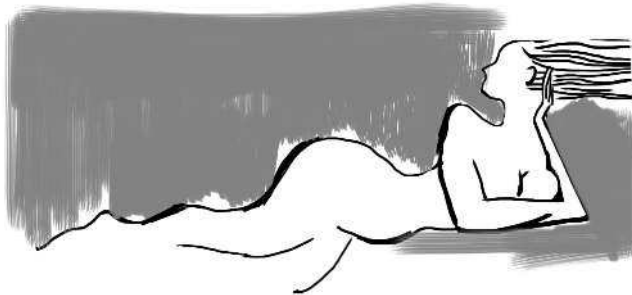
Эта книга — для тех, кто родился и вырос в СССР, а также для тех, кто уже не застал те времена, но очень хочет знать, как тогда жилось в стране на самом деле.

Время и место действия: середина восьмидесятых, одна из союзных республик. Вода боржоми, валютный магазин «Березка», дефицитные импортные сапоги, случайно «выброшенные» в сельпо, и рестораны, в которые можно попасть без очереди только по знакомству, поездки в колхоз всем трудовым коллективом... В общем всё то, что мы и рады бы забыть, но с таким удовольствием вспоминаем, собравшись за рюмкой чаю.

© Михаил Шахназаров, текст, 2013
© Юлия Межова, иллюстрации, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Сюжет романа основан на реальных событиях

Андрей водил карандашом по тетрадному листку, старательно вырисовывая женскую грудь. Изобразить цельную фигуру Марьин пробовал, но графитовые дамы получались до безобразия сюрреалистичны. Груды удавались лучше. Даже в состоянии жутчайшего похмелья. Андрей справлял свое тридцатилетие всю рабочую неделю. Многие поражались, как этот худощавый блондин среднего роста вмещает в себя столь внушительные объемы спиртного. Коллеги интересовались секретом удивительной стойкости. Марьин говорил о сибирских корнях и необходимости в регулярных тренировках организма.

У окна на ветхом стуле покачивался Роман Хузин — высокий, хорошо сложенный голубоглазый

брюнет с заостренными чертами лица и ямочкой на волевом подбородке. Внимательно наблюдая за полетом жирной мухи зеленоватого перламутра, он с ленцой обмахивался газетой. Сделав несколько кругов над гипсовым бюстом Ленина, животное приземлилось на лысину Ильича и принялось сучить мохнатыми лапками. Рома медленно сложил втрое свежий номер «Молодежки». Удар вышел хлестким и метким. Марьин вздрогнул, сломал карандаш и, состроив гримасу неудовольствия, покосился на друга. На лбу статуи проявилась выпуклая клякса черного ливера. Газета полетела в мусорник.

— Глянь, Андрюша! — Хузин с гордостью развернул бюст лицом к Андрею.— Это тебе не сиськи корявые попусту малевать. Вот оно — искусство! Композиция называется «Муха Ильича». Смотри, Владимир моментально стал выглядеть живее. Живее всех живых... А то чересчур он унылый какой-то,— вздохнул Рома.— Чересчур он белый и правильный. А еще говорят, что мухи — безмозглые паразиты. Умные они. Знают места правильной посадки. Мусор, дерьмо, сласти и прочие отходы жизнедеятельности.

— Рома, вытри, а... Вытри плешь возлюбленного Инессы Арманд. Это же сразу две статьи УК. Печатным органом ЦК ЛКСМ Латвии ты испохабил башку тотема мерзким паразитом. Сейчас заглянет

какой-нибудь сексот, и у нас будут проблемы. Вытри, Ромочка.

— Времена другие, Андрюша. Оттепель на дворе.

— Временно это все. Сегодня оттепель, а завтра — снова лютые морозы. Закрутят гайки и любым поступком в нос ткнут.

Говорил Марьин тяжело, с расстановкой. Несмотря на регулярные тренировки организма, похмелье он переносил тяжело. Виновата была привычка мешать с водкой все — от пива до ликера «Мока». Андрею принадлежало такое изобретение, как коктейль «Карабас». По его словам, «белая», смешанная с лимонадом «Буратино», усиливала скорость впитывания алкоголя в кровь.

— А может, это была паразитка, Андрей? И пыталась отложить личинки на гипсовый череп вождя. Но я предотвратил злостное надругательство. Спас лысого от мушиного гнездовья. От выводка, который бы окончательно засрал лоб вечно живого,— продолжал актерствовать Рома.

Тяжело вздохнув, Хузин смачно плюнул на полусферу и протер скульптуру скомканным листом бумаги.— Рома, давай начнем писать про лососей. Про благородных и полезных высшему обществу рыб. Главный уже начинает злиться. Я понимаю, что тебе херово... понимаю. Мне самому невмоготу.

— Когда творцу неважно, он просто обязан не писать. Что сказал Толстой? Не можешь не писать — не пиши! А что ты сейчас чувствуешь, Андрюша?

— Я чувствую, как в моей голове совокупляется пчелиный улей. Вернее, два. По одному в каждом полушарии. У меня в башке пасека, Рома. Пчелиная оргия у меня в черепе. Я, в отличие от тебя, даже муху прибить не в состоянии. А ты все шутишь. Все потому, что в твоей башке ферментов, расщепляющих алкоголь, осталось больше, нежели в моей. Если бы можно было купить эти ферменты,— мечтательно выговорил Марьин,— я бы закачал их себе в мозг и бросил пить. Давай хоть подзаголовок сочиним про лососей. Ром, ну пожалуйста...

— Улей в твоей башке жил всегда. Даже в период младенчества. Твоя мама всегда упоминает, каким ты умненьким мальчиком рос. И до сих пор ошибочно считает, что рос ты всем на радость. А знаешь, почему в твоей голове всегда был улей? Я отвечу. У тебя не мозги, Андрюша, у тебя настоящие медовые соты. Прими как искренний комплимент. Ты родился пухленьким, голосистым,

розовожопым и до безграничности толковым. И с каждым годом сот становилось все больше и больше.

— Рома, заткнись...

— Нет, я продолжу. Твоя голова начала пухнуть от этих бесчисленных ячеек, и ты полюбил спиртное. Не сразу, конечно. Не как чукча с первого глотка, с дебютной рюмахи. Но полюбил сильно, отчаянно. И стоит заметить, во благо профессии. Подшофе у тебя мысли и строки намного удачнее. Просто сейчас в твоих полушариях начинает бродить древний напиток русичей «медовуха». Уже к вечеру мы плеснем на твои мозговые соты новой закваски. Они зашипят идеями, мыслями, новыми фразеологическими оборотами. По ценности я бы сравнил твои мозги с прополисом. Только, ради бога, не обижайся.

— Рома, умоляю! Хватит паясничать! Давай начнем писать. Не о розовожопых младенцах, сотах, улье, а о красной рыбе, о лососе. И потом... Не нужно сравнивать мои мозги с прополисом. Прополис — это пчелиный кал.

Скрестив ладони на затылке, Рома вновь принялся качаться на поскрипывающем стуле. Кабинет наполнился треском и жужжанием. В окно влетела «соплеменница» погибшей. Через пару минут Хузин с выражением прочел:

У лосей сосет лосось,
У лосося лоси,
Под сосной сосет Евсей
У грудастой Зоси!

— А что...Неплохое вступление. Отнеси главному, и мы докажем, что в СССР тоже есть безработица. Добавь капельку диссидентского — нас вышлют.

— Можно и диссидентского добавить, Андрюха. Например, так:

Все сосут, и мы сосем, не подозревая,
Как заботится о нас партия родная.

— Может, хватит, а?! Ты ведь историю про Сашу Томилеца знаешь?

— Как он на спор хотел янтарной струей в ствол пушки, что у памятника красным латышским стрелкам, попасть?

— Нет. Это другая история. Я про то, как он вьетнамской студентке стишок про «слева молот, справа серп» рассказал, а потом склонял ее к сношению в туалете кафе «Верблюд». Ну и где сейчас Александр?

— Ну и где сейчас Александр? — передразнил Рома.

— В психушке, Рома, он сейчас. В самом что ни на есть настоящем дурдоме.

— Слушай, там за Сашей место с детства еще забронировано. Ему пятнадцать лет было, а он в скворечники крысиный яд подсыпал. Это же каким дегенератом нужно быть?! Воровал мышьяк, представлял к дереву лестницу и сыпал бедным птичкам это смертоубийство. А как его поймали, кретина?! Он со стремянки во время очередной акции навернулся. Ногу и ключицу сломал. Жаль, не голову. А в руке у него пакетик с ядом нашли. Когда начали выяснять причины, по которым он птиц изводил, Саша ответил, что все скворечники уже давно заняли вороны, а дворники с ними бороться не хотят. Дебил. Кстати... А девушку с широко смотрящими на мир глазами он в сортире кафе «Верблюд» отпелировал?

— Об интимной жизни рижских туалетов я не осведомлен, Рома. И я прошу, давай начнем писать про лососей.

В кабинет вошла редакционный секретарь Зоя — высокая, статная шатенка с короткой стрижкой. Бывшая манекенщица «Ригас Модес», сказавшая «нет» легкому поведению и алкогольным коктейлям. Их роман с Хузиным, состоящий из сплошных разрывов, с интересом и потаенным злорадством обсуждала вся редакция. Последняя размолвка

обернулась скандалом. Рома остался ночевать у возлюбленной. Вечернее пиво повело атаку на дамбы организма к восьми утра. Выйдя из туалета, Хузин увидел перед собой вялую пожилую женщину в бигудях — у Зои гостила бабушка из Ленинграда. Трусы Романа остались в спальне; создавая интим, они затемняли абажур торшера. Прикрывать срамное место ладонями Хузин не стал. Открытый человек... Вытянув руки по швам, он кивнул головой в приветливой улыбке:

— Вы так похожи на сестру милосердия... В ваших глазах любовь, сострадание ко всему миру и нежность. Доброе утро, сестра.

— А вы похожи на великовозрастного идиота. Тоже мне, Распутин,— хмыкнула пережившая блокаду бабушка Зои.

Войдя в кабинет, Зоя поморщилась, демонстративно помахав перед носом ладошкой. Пожелтевшие лопасти крутящегося под потолком вентилятора лениво смешивали запах сигаретного дыма с флюидами перегара. Андрей резво наворачивал ушную серу на колпачок авторучки. В открытое окно рвался гудок прогулочного кораблика, слышались крики чаек.

— Зоюшка! — воскликнул Рома.— А я как раз к тебе идти и хотел. Мы статью новую пишем, Зоюшка. Статья о мощнейшем прорыве в области размножения рыб семейства лососевых. И я хотел у

тебя совета испросить. Ты ведь для меня и муза, и главный критик. Только что я в муках закончил писать вступление. Как тебе такой вариант? — Придав лицу серьезное выражение, Рома сощурил глаза. Вытянутая ладонь взметнулась к потолку:

У лосей сосет лосось,
У лосося лоси,
Под сосной сосет Евсей
У грудастой Зоси!

Оцени, милая!

— Очередной пошлый намек на меня, Ром? Я про грудастую Зосю.

— А при чем тут ты? У тебя же нет сына. Грудь красивая есть, а сына пока нет. Но он будет! И вполне возможно, что от меня. Маленький, розовожопый шалун с медовыми мозгами и светлым, как твоя кофточка, будущим. Светлым, как твои помыслы и желания, Зоюшка.

— Рома, если ты не паясничаешь, то «белая» уже рядышком. Я без шуток, Ром. Зоей, сосущие Евсеи, розовожопые младенцы с медовыми мозгами. Ты же свои полушария сушишь, Ромочка. И юмор твой засыхает вместе с ними.

— Зоя, я все объясню! Евсей — это сын польской колхозницы Зоей Пшебздецкой. Труженицы села и

передовицы во всех остальных начинаниях. Устав после сенокоса, Зося присела под сосной. С тоскою селянки, радостями обделенной, посмотрела в небеса и вспомнила красавца-комбайнера... Вспомнила она Прокопия, отца Евсеюшки, который трагически погиб, тщетно стараясь затушить телогрейкой пшеничную ниву, которую подпалили враги советской коллективизации. Утерев слезу, достала она свою мясистую грудь о сосках размером с лупу филателиста. Посмотрела на выглядывающее из пеленок сморщенное, багровое личико первенца... И начала с молоком отдавать Евсею все лучшее, что в душе ее израненной осталось. Такая вот грустная история, уместившаяся в написанное мною четверостишие. А ты говоришь «белая горячка». Это жизнь, Зоюшка.

— Хорошо у тебя, Рома, с фантазией. Комбайнер телогрейкой поле затушить пытается. Сено Зося косит не в поле, а в сосновом бору. А каковы метафоры! Соски размером с лупу филателиста. Сравнил бы еще с цветом «докторской колбасы». Ты деградируешь, Хузин.

— Нисколько, радость моя! И почему в бору? В поле она его косила. Поле, а на его краю одинокая сосна,— мечтательно произнес Роман и запел: — Во поле сосенка стояла, во поле мохнатая стояла, Зося своей тенью прикрывала, а она Евсею грудь давала...

— Рома, если у меня сын и родится, я его как угодно назову. Хоть Евсеём, хоть Порфирием. Любым анахронистическим именем нареку. Но только не Романом. А родится он не от тебя. Я, может, и дура, Хузин, но уж точно не враг себе и своему будущему ребенку. И зашла я не для того, чтобы твой горячечный бред выслушивать. Пришел очередной поклонник вашего бессмертного творчества. Стыдно, конечно, в эту симфонию запахов приглашать, но больно уж товарищ настойчив.

— Зоя, а может, не надо, а? — с мольбой вступил в разговор Марьян.— Ты же знаешь, что к нам ходят люди, далекие от нормальных психических кондиций. Люди, которым всегда хорошо, радостно и беззаботно. А нам сейчас плохо, Зоя... Давай ты скажешь, что мы на задании. Скажешь, что нас просто нет.

— А я уже сказала, что вы есть!!! — со злостью выговорила девушка.— Мне кажется, вы всегда есть! Даже когда пьяными шляетесь по бл...дям, отрабатывая легенду — «важное редакционное задание»!

Гость хозяевам кабинета не понравился. Серое, гладко выбритое, невыразительное лицо. Русые волосы тщательно умащены лаком. Наряжен по модному в среде фарцовщиков стандарту. Кипенно-белая